

Международная научная конференция «Россия и Европа: сходства и различия» (Париж, 10–12 мая 2007 г.)

В научном симпозиуме приняли участие ученые из Франции, России, Великобритании, Германии, Израиля, Польши и Швейцарии. Конференция проходила в Сорбонне, отсчитывающей возраст с XIII века и, конечно, хранящей особую ауру старых университетов.

Главным организатором конференцию была профессор-русист *Вероника Жобер* (*Véronique Jobert*). Своим происхождением (из рода Воейковых) она связана с Россией и русским дворянством, с Симбирской губернией. Недавно вышедшая третья книга Жобер «Русская семья в водовороте великого перелома. Письма О. А. Толстой-Воейковой 1927–29 гг.» (С.-Петербург, 2005) – публикация части семейного архива. Часто бывая в России, в особенности в Ульяновске, она поддерживает постоянные научные и культурные связи с коллегами как из России, так и из других стран.

После официального открытия работа конференции началась докладом *Владимира Колосова* «Считают ли себя россияне европейцами? Массовые представления о Европе как часть российской идентичности».

Российские социальные представления о Европе многослойны, нередко противоречивы. Изучение их структуры требует анализа исторического контекста, образа Запада в общественном сознании, а также характера носителей этого сознания. Российское общественное мнение воспринимает Европу как особую цивилизацию, как образец организации общества, к

которому Россия должна стремиться, и как совокупность политических институтов (НАТО, ЕС), интересы которых не совпадают с российскими. Колосов привел данные опросов Фонда «Общественное мнение»: большинство российских граждан считают страны «старой Европы» дружественными России; в 2006 г. самый высокий рейтинг был у Германии. При этом многие страны «новой Европы», особенно Польшу, в последние годы считают недружественными (самый низкий рейтинг в этом аспекте у США). Опрос также показал, что решительно европейцами считают себя 15%, «скорее европейцами» – 29% россиян, а 36% – «евразийцами»; таким образом, в целом, с Европой ассоциируют себя 44% граждан России.

Проблемы российской идентичности, а также идентичности россиян как европейцев затрагивались во многих докладах, также и в их обсуждениях, оживленных и заинтересованных. «*О становлении русского европейца как о задаче России*» говорил *Владимир Кантор*. Он высказал убеждение, что реальные представления, отказ от идеализации как Запада, так и Восточной Европы (включая сюда и Россию), понимание сложностей и жестокостей европейского исторического пути являются необходимыми предпосылками для формирования чувства личного достоинства, важного и значимого для самоощущения русского европейца. *Михаил Маяцкий* в докладе «*Временные трудности перевода: Европа на российской*

карте мира» говорил о взаимной «игре отражений» России и Европы. Он видит тенденцию изменения российской ментальности (параллельную политическим процессам) в том, что, в целом, современного россиянина больше интересует выяснение различий, чем обнаружение сходства с Западом. В процессе глобализации Европа утрачивает ключевые позиции в экономике и политике, а европейская история становится лишь одной из глав в мировой истории.

Личный опыт стал основой размышлений *Сергея Эрлиха* о проблеме русской культуры «национальных окраин» бывшей митрополии («Русские культуры»). По мнению докладчика, главное отличие в сравнении с прошлым в том, что русская культура за пределами РФ утратила государственный характер и оказалась в нелегкой ситуации выживания; и там, где она сможет выстоять, она станет более жизнестойкой, чем на исторической родине. В качестве живого примера такого положения автор представил ситуацию русской культуры в Молдавии. *Сильвия Серрано (Silvia Serrano)* в своем сообщении «Россия – мост в Европу? Взгляд с окраин. Грузинский пример» предложила обратить внимание на то, как нерусские государства видят связь между Европой и Россией. Из вектора европеизации Россия может превратиться в препятствие – так ее воспринимают, например, грузины. Современная Грузия, как подытожила *С. Сильвано*, акцентирует свою европейскую идентичность в противоборстве с Россией.

Значительная часть выступлений была посвящена представлениям и концепциям о Европе деятелей русской культуры, использованию европейского опыта в практической деятельности. Историю смены культурных приоритетов в России на протяжении века проследила *Анна Семенова* в сообщении «Русское общество и Европа: XVIII

век (от немецких приоритетов к культуре Франции)». *Любовь Сапченко* в докладе «Выписки из французских мыслителей в неопубликованном альбоме Н. М. Карамзина» представила новое открытие – рукописный альбом, который в 1821 г. Карамзин составил для императрицы Елизаветы Алексеевны. Альбом включает высказывания Монтеня, Боссюэ, Помпиньяна, Руччо, Ларошфуко и др. и воссоздает систему ценностей русского писателя, для которого нравственное единение людей как основание силы добра и исполнение воли Провидения имело особую значимость. Ранее альбом не привлекал внимания исследователей, а между тем он интересен для понимания эволюции мировоззрения писателя и дает возможность говорить о политических, нравственных и религиозно-философских воззрениях Карамзина.

В сообщении *Мари-Пьер Рей (Marie-Pierre Rey)* «Александр I и Европа: концепции и представления, 1804-1816» рассказывалось об участии Александра I в подготовке документов Священного союза, в которых он отстаивал политические интересы России и защищал глобальный подход к международным отношениям с учетом династического принципа. Анализ двух конституционных проектов – Никиты Муравьева и Павла Пестеля – предложила вниманию *Жюли Грандайе (Julie Grandhaye)* в докладе «Республика глазами декабристов: русская интерпретация политического опыта Европы и Северной Америки». По мнению *Ж. Грандайе*, и Муравьев, и Пестель предоставили русскую интерпретацию народного представительства и концепта «нация» и тем самым внесли свой вклад в выработку политических концептов в Европе XIX в. Письма П. В. Анненкова 1840-х гг., адресованные конкретным людям, стали предметом изучения *Натальи Володиной* («Европейский мир в “парижских письмах” П. В. Ан-

ненкова»), которая пришла к выводу, что опыт знакомства с Европой давал возможность увидеть общественную ситуацию в России со стороны. В сообщении «*Был ли Андрей Карлом? (К вопросу о симбирских прототипах Андрея Штольца)*» Антонина Лобкарева рассказала об обнаруженных в Симбирском историческом архиве документах, которые позволяют считать, что в основу образов Андрея Штольца и его отца в романе И. А. Гончарова «Обломов» легли черты биографии местного врача немецкого происхождения Карла Фридриха Рудольфа, с семьей которого Гончаровы были в родстве. Илья Серман в своем докладе «*Достоевский о судьбах Европы в “Зимних заметках о летних впечатлениях”*» подчеркнул, что размышления писателя не приобрели определенности: он полагал, что Франция и Англия находятся в тупике своего развития, в то время как у России есть возможность приобщения к народной правде и, следовательно, некоего преобразования. В сообщении Сильвии Мартин (Sylvie Martin) «*Русский европеец перед лицом “Великих реформ”*: “О народном представительстве” Б. Н. Чичерина» речь шла об исследовании известного правоведа и западника, написанном в 1866 г. В концепции Чичерина Россия являлась европейской страной, а реформы Александра II свидетельствовали об эволюции государства к либеральной политической системе, к новому сближению с Европой. Борис Егоров, выступивший на тему «*Современная и будущая Европа в представлениях русских утопистов второй половины XIX века*», дал анализ ряда геополитических утопий: Г. Данилевского «Жизнь через сто лет» (1879), А. Беломора (А. Конкевича) «Крейсер “Русская надежда”» (1886), Н. Шелонского «В мире будущего» (1892), А. Красницкого «За приподнятою завесой (в 2000 году)» (1900) и др.

Используя материалы архивного фонда в

Ульяновском историческом музее, Татьяна Громова рассказала о связях с европейскими научными кругами Сергея Бутурлина (1872–1938), орнитолога, фауниста, исследователя Севера.

В своем докладе «*Contes d’amour Зинаиды Гиппиус: на пути к андрогинной целостности*» Людмила Луцевич (Ludmila Lutsevich) анализировала ранний дневник писательницы «Contes d’amour. Дневник любовных историй» (1893–1904 гг.) как пример формы самосознания и самопознания поэтов Серебряного века.

Мишель Никё (Michel Niqueux) подготовил доклад на тему «*Эссенциальные дискурсы в современной России, или возвращение “Русской души”*». Эссенциальными автор считает утверждения о том, что у России есть своя, только ей свойственная сущность, которая ставится во главу угла и противопоставляется Западу. Докладчик выделил проявления эссенциализма в культурологии, лингвистике, политике и религии. Источник эссенциализма он видит в немецкой романтической философии, однако «различие культур в единстве» в понимании Гердера представляется непреодолимым различием. По мнению Элен Мела (Hélène Mélat), современная русская проза остается «россоцентричной» («*Путешествие в Европу в современной русской прозе*»). Европа становится зеркалом, в которое русский писатель смотрит на себя, чтобы понять, кто он на самом деле в контексте зыбкой идентичности постсоветского времени. В конце путешествия он всегда обретает лишь самого себя. О некоторых новых явлениях постсоветского периода речь шла также в сообщениях Филиппа Комта (Philippe Comte) «*Официальная Россия и Европа*» и Ани де Тинги (Anne de Tinguy) «*Европа и новые русские миграции*». Жалобы граждан Российской Федерации в Европейский суд по правам человека и русификация европейских марок

товаров массового потребления были в центре внимания в выступлениях *Дианы Скода (Diane Skoda)* и *Грэхема Робертса (Graham Roberts)*. *Нора Букс (Nora Buhks)* рассмотрела эстетику и идеологию русского гламура в докладе «Денди с Рублевки».

В сообщении *Валентины Брио «Между Россией и Европой. Czesław Miłosz о Польше. России, Европе»* позиция польского поэта, автора «Родной Европы» («Rodzinna Europa»), была представлена в свете его личного исторического опыта. Милош объяснял западному читателю, что такое «другая», «худшая» Европа (т.е. Восточная), рассуждал о «Европе отчизн»; позднее участвовал в дискуссии о Центральной Европе. Милош неоднократно писал о польско-русских взаимоотношениях и их стереотипах, о сложных отношениях поляков с Западной Европой. Подчеркивая свое восточноевропейское происхождение, писатель утверждал приверженность «старым ценностям» – «примитивным» представлениям о добре и

зле. Его рассуждения о русской и польской литературе утверждали художественный авторитет Восточной Европы с ее культурными традициями.

Представленные в выступлениях новые материалы и концепции, заинтересованный обмен мнениями, обсуждение многочисленных конкретных вопросов и общих проблем свидетельствовали об актуальности темы конференции (отметим – не единственной в этом ряду). Возможно, несколько велик был тематический «разброс» сообщений и чувствовалась нужда в большей конкретизации для того, чтобы создать более цельную картину. Подобную той, которую оставляет улица Сорбонны: шагаешь мимо дома, в котором останавливался Осип Мандельштам. Или схожую с улицей Ле Гофф, по которой возвращаешься в гостиницу: на этой улице в отеле «Бразилия» И. А. Гончаров впервые читал «Обломова» И. С. Тургеневу, А. А. Фету и В. В. Боткину.

Валентина Брио